

И. М. ОРАНСКИЙ

О СООТНОШЕНИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ПЕРИОДИЗАЦИЕЙ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

(На материале истории иранских языков)

Вопрос, сформулированный в заголовке настоящей статьи, неизбежно возникает у каждого лингвиста, занимающегося историей языка (языков) с длительной письменной традицией. Особое значение имеет этот вопрос для историка иранской языковой семьи — языковой семьи, развитие которой засвидетельствовано подлинными письменными памятниками на протяжении огромного исторического периода. История иранских языков как самостоятельной языковой группы начинается с периода обособления, выделения иранских диалектов из арийской языковой общности, т. е. не позднее первой половины II тыс. до н. э.¹, и насчитывает таким образом во всяком случае около четырех тысячелетий. Два с половиной тысячелетия этой истории (начиная с середины VI в. до н. э. — времени составления древнеперсидских клинообразных надписей — первых точно датированных иранских текстов) зафиксированы памятниками ираноязычной письменности.

Разумеется, письменные памятники, отражающие развитие иранских языков на протяжении этого 25-векового исторического периода, распределены во времени весьма неравномерно. Если отдельные языки в отдельные периоды их развития представлены большим числом памятников, притом памятников различных жанров (поэзия, проза, научная литература, административно-хозяйственные документы и т. д.), то о других языках и других периодах приходится порой судить лишь по одному единственному случайно сохранившемуся и нередко фрагментарному документу. Длительные периоды в истории отдельных иранских языков вообще не зафиксированы никакими памятниками письменности, и эти лакуны в документации охватывают порою целое тысячелетие — отрезок времени, в который легко укладывается вся история многих отнюдь не младописьменных языков. Уже одно только это обстоятельство привязывает в значительной степени периодизацию истории иранских языков к периодизации памятников письменности. Но дело не только в этом. Установившаяся трехчленная периодизация истории иранских языков — древнеиранская (до IV в. до н. э.), среднеиранская (IV—III вв. до н. э. — IX—X вв. н. э.) и новоиранская (с IX—X вв. н. э. до наших дней) эпохи — покоится на относительно узком основании, именно на периодизации истории пер-

¹ Для хронологии этого периода решающим является установление того факта, что древнейшие дошедшие до нас памятники индоарийских языков (гимны Ригведы) сложились около середины II тыс. до н. э. и сложились уже в бассейне Инда (они отражают природу и этногеографические условия этого региона). См.: И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 49—51. Последнюю сводку мнений о хронологии Ригведы и связанного с этим сложного круга вопросов см. в кн.: «Ригведа. Избранные гимны», перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой, М., 1972, стр. 9 и сл.

сидского (и таджикского) языка. За исключением персидского (и таджикским) ни один из известных иранских языков не засвидетельствован письменными памятниками на протяжении всех этих трех эпох. В лучшем случае история этих языков может быть прослежена по письменным памятникам данного языка лишь на протяжении нескольких последних столетий: курдского — с XI—XII вв., афганского (пашто) — с XVI в., осетинского — с конца XVIII в.; во всех остальных случаях — и того меньше. Для некоторых иранских языков (татский и др.) письменность была создана лишь в XX в., другие (мунджанский, ягнобский, ормури, парачи и т. д.) остаются бесписьменными и по сей день, так что фиксированная их история может быть прослежена только по диалектологическим записям последних десятилетий. Лишь немногие из этих языков могут быть уверенно сведены к тем или иным средне- и древнеиранским языкам, зафиксированным в письменности. В первую очередь это относится к ягнобскому языку — продолжению согдийского, известного теперь по довольно многочисленным текстам IV—X вв. н. э.; к одному из периферийных среднеперсидских диалектов восходит татский, к скифскому (через аланский) — осетинский². Но и здесь возникают многочисленные трудности. Между последними текстами на среднеперсидском и согдийском языках и первыми записями на татском и ягнобском простирается тысячелетняя недокументированная лакуна. При этом в обоих случаях нет уверенности, что современные татский и ягнобский языки продолжают те же диалекты, которые отражены соответственно в среднеперсидских и согдийских текстах³. Еще сложнее обстоит дело с историей осетинского языка. Связных текстов на скифском языке, как известно, не существует, а скифский словарь, составленный на основе дошедших до нас в иноязычной передаче скифских топонимов, этнонимов и имен собственных, очень невелик и насчитывает не более 200 основ⁴. К тому же между временем записи этих скифских имен и названий и современным осетинским языком — почти ничем не заполненная лакуна в 2000 лет.

Попробуем оттолкнуться теперь от древнеиранского материала. О скифском говорилось уже выше. От мидийского сохранилось всего несколько слов и имен собственных. Очень богата языковым материалом Авеста, и этот материал отражает наиболее архаичный из всех засвидетельствованных период развития иранских языков. Однако использование Авесты как лингвистического источника сопряжено со значительными, часто непреодолимыми, трудностями. Дошедшие до нас авестийские тексты прошли длительный путь сложения и многотысячелетней изустной передачи; они дошли до нас в редакции, относящейся ко времени, по-видимому, не ранее VI в. н. э. и в рукописях не ранее XIII в. н. э. Тексты эти неоднородны в диалектном отношении, и ни один из них не может быть точно локализован и датирован. Неизвестно, какие конкретные ираноязычные племена и народности говорили на языке, зафиксированном авестийскими текстами, и ни один из средне- и новоиранских языков не может рассматриваться как прямое продолжение авестийского.

Итак, остается персидский. Ни один из иранских языков не может сравниться с персидским (и таджикским) по древности, непрерывности и бо-

² Сохранилось также четыре кратких прозаических отрывка и 14 четверостиший из района Ардебил (XIV в.), язык которых, по заключению Б. В. Миллера, близок современному талышскому (см.: Б. В. М и л л е р, Талышский язык, М., 1953, стр. 254—263).

³ См.: М. Н. Б о г о л о в, Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы. АДД, Л., 1956, стр. 30. Ср. «Народы Средней Азии и Казахстана», I, 1962, стр. 152.

⁴ См.: В. И. А б а е в, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 141—244.

гатству письменной документации. Письменные памятники, отражающие развитие персидского (и таджикского) языка от точно датированных (VI в. до н. э.) древнеперсидских надписей до наших дней, предоставляют едва ли не уникальную в историческом, во всяком случае в индоевропейском, языкознании возможность проследить фиксированную текстами историю одного языка на протяжении 25 веков. Именно история персидского языка привлекала, естественно, в первую очередь внимание иранистов, и существующая периодизация истории иранских языков — это есть по существу и прежде всего периодизация истории персидского языка. Нетрудно убедиться в том, что эта периодизация целиком и полностью зависит от периодизации письменных памятников: древнеперсидский — это язык первой версии клинообразных ахеменидских надписей (VI—IV вв. до н. э.); среднеперсидский — это язык памятников пехлевийского и манихейского письма (III—IX-X вв. н. э.), новоперсидский — это персидский язык арабграфичных, главным образом, текстов (с IX—X вв.).

Между тем, само появление и бытование тех или иных групп письменных памятников связано — особенно в древности — с теми или иными, обычно достаточно четко отграниченными друг от друга культурно-историческими эпохами. И каждая такая группа памятников характеризуется определенными культурно-историческими признаками, в первую очередь, резко различающимися системами письма. Древнеперсидские клинообразные надписи отражают историко-культурную обстановку ахеменидской эпохи (VI—IV вв. до н. э.); объединяясь по письменности, идеологии и другим культурно-историческим признакам, эти надписи составляют замкнутую в себе, четко обособленную группу. С падением Ахеменидов оборвалась и традиция создания древнеперсидских клинообразных надписей. Хронологически следующая группа памятников — памятники пехлевийского и манихейского письма — появляются лишь шесть веков спустя и отражают уже совершенно иную культурно-историческую эпоху — эпоху Сасанидского государства и господства зороастрийской церкви в Иране (III—VII вв. н. э.). После арабского завоевания Ирана и Средней Азии (VII—VIII вв.) и распространения на этих территориях ислама сфера употребления пехлевийского и манихейского письма резко сужается, эти системы письма выходят из употребления, сохраняясь лишь в небольших, конфессионально замкнутых общинах (например, традиционное пехлевийское письмо у парсов Ирана и Индии). На смену пехлевийскому и манихейскому приходит арабское, точнее, арабо-персидское письмо (с IX—X вв.), на базе которого возникает обширная тысячелетняя персидско-таджикская литература, отражающая так называемый «новый» период истории персидского языка.

Таким образом, традиционная периодизация истории персидского языка, а вместе с тем и периодизация истории иранских языков в целом обусловлена в значительной мере не процессами языкового развития, а периодизацией памятников письменности — периодизацией, опирающейся на признаки не лингвистические, а культурно-исторические. Временам периодизация по лингвистическим признакам может совпадать с периодизацией по признакам культурно-историческим. Так, например, зафиксированный пехлевийскими и манихейскими текстами среднеперсидский язык, отделенный от языка древнеперсидских ахеменидских надписей периодом минимум в шесть столетий, представляет качественно новый, резко отграниченный от языка древнеперсидских надписей этап развития персидского языка. Если древнеперсидский — это язык ярко выраженного флективного строя, сопоставимый по своей архаичности с языком Авесты и древнеиндийским, то среднеперсидский — это уже язык совершенно иной (аналитической) ступени развития. Однако провести лин-

гвистическую грань, скажем, между средне- и новоперсидским уже значительно труднее.

Нельзя не признать, что установившаяся трехчленная схема периодизации удобна (особенно в педагогической практике), что за ней авторитет традиции, однако при современном уровне лингвистических исследований эта схема уже не может считаться полностью удовлетворительной. В ряде случаев признаки периодизации лингвистической вступают в противоречие с признаками периодизации культурно-исторической (филологической), и тексты лингвистически однородные или близкие по языку оказываются отнесенными к разным периодам, и, наоборот, тексты, сильно различающиеся по языковой структуре, традиционно причисляются к одному периоду. Так, согласно существующей периодизации, персидские манихейские тексты принято относить к среднеиранской языковой эпохе, а персидские арабографичные тексты эпохи Рудаки — Фирдоуси (X—XI вв.) — к новоиранской. Между тем, как показал недавно В. Хеннинг, некоторые манихейские фрагменты отражают персидский язык первой половины X в. и принадлежат, возможно, перу одного из современников Рудаки. Уже а priori можно предположить, что такие тексты стоят по языку ближе к ранним памятникам новоперсидской литературы, чем к памятникам литературы среднеперсидской. И, действительно, если вчитаться, например, в манихейские стихотворные фрагменты Берлинского собрания, реконструированные и изданные Хеннингом⁵, то можно убедиться, что язык их практически не отличается (вплоть до лексических арабизмов!) от языка ранних памятников новоперсидской поэзии. Ср., например, следующие отрывки:

[из персидской версии Bilauhar u Būdisaf (Barlaam and Josaphat)]:

20. rftm (')knwn rn(j) b(wr)d(m) []
zwd m['n] dyd'r b'yd []

«Теперь я пошел (ухожу), я перенес [много] страданий..., Скоро наступит (bi-āyad) для нас [другая] встреча...»

[из «касыды»]:

8. čun Yūsuf-am pa-qahr furūd abganand pa-čāh
čāh-i ke bar-ne-y-āyam az-ū juz gāh-i šumār

«Они в ярости бросают меня, подобно Иосифу, в яму,
В яму, из которой мне не выйти вплоть до Судного дня».

С другой стороны, персидский язык эпохи Рудаки — Фирдоуси и восходящие к нему современные персидский и таджикский относятся, согласно существующей периодизации, к одной и той же («новоиранской») языковой эпохе, между тем различия между языком, скажем, знаменитого «Шахнаме» Фирдоуси и современным таджикским настолько значительны, что в таджикской студенческой аудитории при чтении этого памятника требуется сегодня специальный грамматический и лексикологический комментарий, без которого текст далеко не всегда будет понятен.

При обращении к среднеиранскому материалу также не трудно увидеть, что материал отдельных среднеиранских языков классифицируется не по лингвистическим и часто даже не по хронологическим признакам, а прежде всего по признакам культурно-историческим. Таково, например, деле-

⁵ См.: W. B. Henning, Persian poetical manuscripts from the time of Rūdākī, в кн.: «A Locust's Leg», London, 1962, стр. 89 и сл. На «новоперсидский» характер некоторых манихейских фрагментов обратил, впрочем, внимание уже Мюллер. См.: F. W. K. Müller, Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkistan, II, Berlin, 1904 (aus dem Anhang zu den «Abhandl. der Königl. Preuss. Akad. der Wiss.» vom Jahre 1904), стр. 4, 95, 106.

ние среднеперсидского языкового материала на язык текстов зороастрийских, дошедших до нас в оболочке традиционного пехлевийского письма с многочисленными идеограммами и исторической орфографией, и язык текстов манихейских, излагающих религиозное учение манихеев и зафиксированных другой системой письма. Внутри парфянского выделяют язык ранних эпиграфических памятников (I в. до н. э. — I—II вв. н. э.) и парфянских («пахлавйк») версий сасанидских наскальных надписей (III в. н. э.), с одной стороны, и язык манихейских текстов (древнейшие сочинения — III—IV вв. н. э. в рукописях VIII—IX вв.), с другой. Характерным примером может служить также согдийский, внутри которого выделяются согдийско-буддийский, согдийско-манихейский и согдийско-христианский, т. е. язык соответственно буддийских, манихейских и христианских текстов, различающихся между собой прежде всего по признакам культурно-историческим (письменность и конфессиональная принадлежность текстов). В то же время по критериям собственно лингвистическим, в частности по системе именной флексии, а также по признаку наличия/отсутствия артикля, по его функциям, часть манихейских текстов должна быть объединена, как полагают исследователи, с текстами буддийскими, а другая их часть примыкает скорее к текстам христианским⁶.

Значительные и — при нынешнем состоянии наших знаний — часто непреодолимые трудности, возникающие при сопоставлении языкового материала, зафиксированного разнородными текстами, вынуждают ученых ограничивать свои грамматические исследования материалом отдельных групп памятников. Имея, скажем, грамматические очерки (в том числе и новейшие) «книжного пехлеви»⁷ и грамматические описания глагольной и именной системы языка среднеперсидских манихейских текстов⁸, мы не имеем пока среднеперсидской грамматики, охватывающей весь известный среднеперсидский языковой материал⁹. Точно так же, располагая рядом исследований по языку отдельных групп согдийских памятников, в том числе новейшей грамматикой языка согдийско-манихейских текстов¹⁰ и сжатым грамматическим очерком языка согдийских документов с горы Муг¹¹, мы не имеем пока исчерпывающей согдийской грамматики, охватывающей весь согдийский языковой материал¹². Издано также немало глоссариев к отдельным памятникам (или к группам памят-

⁶ См.: К. В. Кауфман, Некоторые вопросы истории согдийского языка, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», VI, 1956, стр. 486 и сл. Языковые различия между согдийскими текстами буддийского, манихейского и христианского содержания определяются в значительной мере переводным их характером, нередко рабским следованием оригиналу (китайскому и санскритскому для буддийских текстов, сирийскому для христианских, персидскому или парфянскому для манихейских), а также различной степенью консервативности согдийско-буддийской, согдийско-манихейской и согдийско-христианской письменности и орфографии (см. ниже).

⁷ C. Salemann, *Mittelpersisch*, в кн.: «Grundriss der iranischen Philologie», I, Abt. 1, Strassburg, 1895—1901, стр. 249—332; В. С. Расторгуева, *Среднеперсидский язык*, М., 1966.

⁸ См.: W. B. Henning, *Das Verbum des Mittelpersischen der Turfan-Fragmente*, ZII, IX, Hf. 2, 1933; А. Н. Рагоза, *Существительное и прилагательное в среднеперсидских турфанских текстах*, КСИИАН, 67, 1963.

⁹ Как кажется, только Залеман предпринял в свое время опыт дополнить свою грамматику «книжного пехлеви» материалами «манихейско-персидского». См.: C. Salemann, *Manichaëische Studien*. I, СПб., 1908, стр. 147—170.

¹⁰ I. Gershevitch, *A grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1961 (1. ed. — 1954).

¹¹ [М. Н. Боголюбов], *Язык документов*, в кн.: «Согдийские документы с горы Муг», III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963, стр. 16—23.

¹² При этом следует, разумеется, учитывать, что значительная часть согдийских текстов нуждается еще в филологической обработке и интерпретации. См.: I. Gershevitch, указ. соч., стр. VI.

ников) среднеперсидской, парфянской, согдийской, хотаносакской письменности, однако сводные словари, охватывающие всю дошедшую до нас лексику этих среднеиранских языков, пока не составлены. Существующее положение вещей объясняет, почему, даже располагая текстами, документирующими, скажем, среднеперсидский, парфянский, согдийский или хотаносакский языки на протяжении ряда столетий, иранское языкознание не в состоянии дать сегодня лингвистически обоснованную периодизацию истории этих языков.

Нетрудно убедиться и в том, что сами понятия «среднеиранские языки», «новоиранские языки» не определяют собою какое-то более или менее отчетливое структурно-лингвистическое единство. И к средне-, и к новоиранским относят языки, весьма различающиеся по своей структуре, отражающие самые различные ступени развития и преобразования древнеиранского языкового материала (отвлекаемся здесь от других факторов — ареальных контактов, субстрата и т. п.). Так, например, белуджский язык («новоиранский»), сохраняющий восьмифонемную систему вокализма с противоположением гласных по длительности (*ār* «вода» — *dar* «рот», *rīr* «старый» — *dil* «сердце»), как и древние поствокальные глухие смычные и аффрикату (*šar* «ночь» < др.-иран. *xšara-*, *būt* «стал» < др.-иран. *būta-*, *ač* «из» < др.-иран. *hača*), по ступени преобразования древнеиранской звуковой системы стоит ближе к среднеиранским (скажем, к среднеперсидскому в древнейших его памятниках), чем к современным («новоиранским») персидскому и таджикскому (ср. ср.-перс. *šar*, *būt*, *hač* и совр. перс. *šāb*, *bud*, *āz*). По грамматической своей структуре современный («новоиранский») афганский язык, сохраняющий грамматическую категорию рода (мужской и женский) и двухпадежную систему склонения (прямой и косвенный падежи) стоит на более архаичной ступени развития древнеиранской грамматической системы, чем, скажем, среднеперсидский, утративший категории рода и падежа более полутора тысячелетий тому назад.

Количество подобных примеров легко может быть увеличено, и эти примеры убеждают в том, что объединение современного персидского, таджикского, курдского, афганского, белуджского, осетинского, памирских, татского, талышского и других современных иранских языков и диалектов под термином «новоиранские» имеет в виду отнюдь не структурную их общность, а только фактор хронологический: «новоиранские языки» — это языки, на которых говорят сегодня или же говорили и писали относительно недавно, так что письменная их традиция остается еще живой («новоперсидский»). Еще менее определенным в лингвистическом отношении является понятие «среднеиранские языки», к которым относят такие различные по своей структуре языки, как среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, хотаносакский и бактрийский. Достаточно сказать, что в языке хотаносакских, например, текстов выделяются по меньшей мере две ¹³, а скорее четыре ступени языкового развития и что диапазон различий между ними может быть сопоставлен с диапазоном различий между, скажем, латинским и французским языками ¹⁴. Если формы «раннехотанские» сближаются с древнеиранскими, то формы «позднехотанские» стоят в ряде случаев по ступени своего развития на «новоиран-

¹³ См.: M. J. Dresden, *The Jātakastāva or «Praise of the Buddha's former births»*. Indo-Scythian (Khotanese) text. English translation, grammatical notes and glossaries, Philadelphia, 1955.

¹⁴ См.: H. W. Bailey, *Khotanese texts*, V, Cambridge, 1963, стр. VII—VIII. В работе 1958 г. Бэйли выделяет в истории хотаносакского три ступени развития (H. W. Bailey, *Languages of the Saka*, в кн.: «*Handbuch der Orientalistik*», Abt. I, Bd. IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 135). Ср.: R. E. Emmerick, *Saka grammatical studies*, London, 1968, стр. XI.

ском» уровне. Ср., например, окончание род. падежа мн. числа: «раннехотанское» *-āni* и «позднехотанское» *-ā* [**-o*] (< др.-иран. *-ānām*) или глагольную флексию 1-го лица ед. числа: «раннехотанское» *-īmā* и «позднехотанское» *-ū* [**-u*] (< др.-иран. *-āmī*). Ср. также «раннехотанское» *aysu* [**azu*] и «позднехотанское» *a* «я» (< др.-иран. *azat*; ср. согд. *ʾzw*, осет. *āz*, афг. *zə*, семн. *a* и т. д.).

Среднеперсидский уже не имеет грамматических категорий рода и падежа, между тем другой современный ему по времени фиксации среднеиранский язык, хотаносакский (во всяком случае «раннехотанский»), сохраняет грамматическую категорию рода (мужской и женский, рудиментарно — также средний) и шестипадежную систему склонения. В противоположность западноиранским языкам этой эпохи (среднеперсидский, парфянский), где под действием законов ударения безударный конец слова, а вместе с ним и флексивные показатели рода, падежа, частично также числа редуцировались и постепенно отпали и где подавляющее большинство слов имеет согласный исход, восточноиранские языки относительно хорошо сохранили (как в именной, так и в глагольной системе) характерный гласный исход слова. Поэтому, когда крупнейший авторитет в области среднеиранской филологии, покойный В. Хеннинг говорил об «единстве среднеиранского», он имел в виду отнюдь не структурную общность среднеиранских языков, а в первую очередь общность письменных систем, применявшихся для среднеперсидского, парфянского, согдийского и (с известными оговорками) хорезмийского языков, — общность, вытекающую из общего происхождения этих систем письма, общих тенденций в их развитии, некоторых общих орфографических приемов¹⁵ и т. п., т. е. опять-таки признаки не лингвистического, а культурно-исторического характера.

Наряду с периодизацией, основанной на хронологии и культурно-исторических признаках письменных памятников, в периодизацию истории иранских языков вводится иногда противопоставление по признаку «мертвые языки» — «живые языки». В этом случае взятые вместе древне- и среднеиранские языки («мертвые») оказываются противопоставленными новоиранским («живым»). Если же основываться на признаках лингвистических, то, пожалуй, скорее языки древнеиранские, с одной стороны, могли бы быть противопоставлены взятым вместе средне- и новоиранским, с другой. Можно заключить, что установившаяся периодизация достаточно эклектична, что базируется она на разных признаках¹⁶ и что выделение в истории иранских языков трех периодов далеко не всегда основывается на реальных процессах языкового развития. При этом, если языки древне- и новоиранские еще могут быть определены по признакам позитивным (древнеиранские характеризуются четко выраженной флексивной структурой, не представленной в более поздних формах иранской речи; новоиранские — это языки «живые»), то языки среднеиранские выделяются скорее по признаку негативному: по справедливому замечанию Д. И. Эдельман, сюда относят все те языки, которые «не представляют

¹⁵ См.: W. B. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 21 (§ 2. «Die Schrift als Symbol der Einheit des Mitteliranischen»), стр. 58 и сл. Для хотаносакского применялось письмо иного происхождения; бактрийский был исключен Хеннингом из рассмотрения ввиду недостаточности имевшегося в 50-е годы материала.

¹⁶ Наряду с примерами, показывающими, что при периодизации истории иранских языков факторы культурно-исторические и хронологические превалировали обычно над факторами лингвистическими, могут быть приведены и примеры противоположного характера. Так, основным источником для изучения хорезмийского языка служат хорезмийские глоссы, сохранившиеся (в арабографичной, разумеется, оболочке) в арабоязычных сочинениях X—XIV вв., т. е. относящиеся хронологически и по культурно-историческим признакам к новоиранской эпохе. Язык этих глосс, ближайше родственный, по-видимому, согдийскому, справедливо относят, однако, к числу языков среднеиранских.

древнего типа с характерным для него набором признаков, но и не являются живыми»¹⁷.

В основе любого историко-лингвистического исследования, любой попытки периодизации истории языка (языков) лежат анализ и сопоставление текстов — текстов, которые могут быть представлены в самых различных системах письма от древнейших форм клинописи до самых современных записей методами фонетической транскрипции. Понятно поэтому, что один из первых вопросов, с которым сталкивается историк иранских языков, это вопрос об отношении письма к языку, о том, в какой мере отражает то или иное письмо фонетическую и грамматическую системы языка на данном этапе его развития. Многочисленны и разнообразны системы письма, которыми зафиксированы иранские языки на протяжении двух с половиной тысячелетий своей письменной истории. Древнеперсидская клинопись и арамейское письмо, с древнейших времен (во всяком случае, с III в. до н. э.) применявшееся для записи ираноязычных текстов; возникшие на основе последнего пехлевийское (версия «пәрсйк» сасанидских надписей и «книжно-пехлевийское» письмо среднеперсидской зороастрийской литературы), авестийское, парфянское (версия «пахлавйк» сасанидских надписей и другие памятники парфянской эпиграфики), манихейское (манихейские тексты на среднеперсидском, парфянском, согдийском и — позднее — на новоперсидском языках), сирийское («согдийско-христианские» и новоперсидские тексты), согдийское («согдийско-буддийские» тексты, документы архива с горы Муг и др.) и древнехорезмийское письмо; особая разновидность греческого письма (бактрийские надписи, эпиграфика) и модифицированные формы индийского письма брахми (хотанские или хотаносакские рукописи из Хотана и Тумшука), еврейское письмо (персидские и таджикские тексты) и многочисленные разновидности арабского, арабо-персидского алфавита (персидская, позднехорезмийская, афганская, курдская, белуджская письменность и т. д.). Упомянем еще о таких системах письма, как пазенд и парси (транскрипции пехлевийских текстов соответственно авестийским и арабо-персидским алфавитом)¹⁸, об армянском (персидские и курдские тексты) и грузинском (осетинские и новоперсидские тексты) письме, наконец о многочисленных разновидностях латиницы (таджикский, осетинский, курдский, талышский, татский, шугнанский и другие алфавиты) и кириллицы (таджикский, осетинский, курдский, татский алфавиты), применявшиеся или применяемые в письменности современных иранских языков Советского Союза. Сюда же должны быть отнесены многочисленные современные транскрипционные системы, использовавшиеся — с большим или меньшим успехом — для фиксации различных (преимущественно бесписьменных) иранских языков и диалектов.

Само собой разумеется, все эти многообразные системы письма обладают неодинаковыми возможностями фиксации иранской речи, и вопрос о том, насколько адекватно тот или иной иранский язык той или иной эпохи отражен в анализируемом тексте, имеет решающее значение для любой попытки периодизации его истории. Древнеперсидская клинопись, различные модификации арамейского письма для среднеиранских и арабского для новоиранских языков, мало приспособленные для передачи звукового состава (особенно вокализма) иранской речи, не позволяют с достаточной объективностью установить реальное звучание того или

¹⁷ Д. И. Эдельман, Вопросы периодизации индоиранских языков, не имеющих древней письменности, «Народы Азии и Африки», 1972, 3, стр. 115.

¹⁸ Сохранились также транскрипции среднеперсидских и парфянских манихейских текстов согдийским и — через посредство последнего — тюркским руническим письмом (см.: W. B. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 76—77).

иного иранского языка и изменения в его звуковом составе в ту или иную эпоху. В системах письма, использовавшихся для записи среднеиранских языков, гласные звуки, как правило, не отражались; буквы для многих согласных и лигатуры также не однозначны и допускают различное прочтение и фонетическое истолкование. Реальное звучание значительной части лексики скрыто, кроме того (в пехлевийском, согдийском, парфянском, древнехорезмийском письме), за идеограмматическими (гетерографическими) написаниями. Трудности, заложенные в самом характере письменности, усугубляются чрезвычайной консервативностью литературной нормы, исторической орфографией¹⁹, скрывающими от исследователя ответ на вопросы о времени и месте возникновения тех или иных фонетических и грамматических инноваций, о диалектных особенностях языка тех или иных памятников и т. п.

Пожалуй, именно эти три фактора — несовершенство графических систем, историческое (традиционное) письмо и консервативность литературной нормы — должны быть названы в первую очередь среди факторов, в наибольшей мере затрудняющих исследование процессов и установление этапов языкового развития по письменным памятникам. Именно указанными причинами объясняется в первую очередь тот факт, что перед учеными, имевшими возможность исследовать персидский (новоперсидский) язык только по письменным памятникам, этот язык представлял — и соответственно описывался и преподавался — как нечто почти совершенно неизменное на всем тысячелетнем (начиная с рубежа IX—X вв.) протяжении своего существования и на всей территории своего распространения. На одном из международных ориенталистических конгрессов среди вопросов для обсуждения числился и такой: «Какими причинами может быть объяснена неподвижность новоперсидского языка, не потерпевшего с X столетия (а, по всей вероятности, и ранее) до сих пор почти никаких изменений в своих грамматических формах?». И лишь обращение к живым формам современных персидского и таджикского языков показало, что эта «неподвижность» была только кажущейся, что в действительности на протяжении этого периода в языке произошли весьма серьезные сдвиги, развитие которых скрыто от глаз исследователя за оболочкой традиционной, консервативной письменности. Действительно, на примере персидского (новоперсидского) литературного языка, распространенного в средние века на огромной территории Средней Азии, современных Ирана и Афганистана, а также сопредельных областей Закавказья, Малой Азии и Индии, можно наблюдать явление очень ранней унификации языка письменности, выработки литературного стандарта, на который ориентировались авторы и переписчики, писавшие в разное время и в разных областях всей этой территории. По заключению компетентных специалистов, в период с конца IX по начало XVI в. на всей указанной территории «персидский литературный язык не обнаруживает признаков какой-либо дифференциации локального характера в области морфологии, синтаксиса и словарного состава»²⁰. Это не означает, разумеется, что между живой персидской (таджикской) речью жителя Бухары и Нишапура, Кобадияна и Балха, Туса и Шираза, Герата и Газны не было в то время никаких различий.

¹⁹ Поэтому при описании древне- и среднеиранского языкового материала в иранистической литературе применяется обычно не транскрипция, а транслитерация, передающая только написание оригинала и не претендующая на большее. Иногда применяются параллельно и транслитерация, и транскрипция. В этом случае транслитерация служит для воспроизведения оригинального написания, а транскрипция указывает на фонетическую (и грамматическую) интерпретацию данного написания исследователем.

²⁰ А. Н. Б о л д р е в, Из истории развития персидского литературного языка, ВЯ, 1955, 5, стр. 79.

Сказанное означает только, что все различия диахронического и локального характера, существование которых нетрудно а priori предположить и которые подтверждаются рядом косвенных данных, не находило или почти не находило никакого отражения в письменности.

Тщательное изучение современных персидского и таджикского языков выявило, что за тысячелетие, отделяющее эти языки от языка эпохи Рудаки — Фирдоуси, в их развитии произошли весьма серьезные сдвиги, радикально затронувшие не только лексику (что признавалось и раньше), но и фонетику, и грамматический строй. В области фонетики могут быть отмечены такие характерные процессы, как утрата фонологического значения признаком длительности и переход от восьми- к шестифонемной системе вокализма, — процессы, общие для персидского и таджикского языков, но протекавшие в них различными путями и давшие различные результаты; в области морфологии, синтаксиса, словообразования — изменения в функциях предлогов и послелога *-rā*, энклитических местоимений, развитие категории сложноименных предлогов, интенсивное развитие сложноименных и новых префиксальных глаголов (с предлогами и наречиями в префиксальном употреблении). И в персидском, и в таджикском протекали — различными путями и с разной степенью интенсивности — процессы развития аналитических видо-временных форм глагола. Если таджикский использовал, например, для образования «продолженных» («определенных», «длительных», «конкретных») времен (типа англ. present continuous и past continuous) конструкции «причастие значащего глагола + личные формы вспомогательного глагола *istodan*», то современный персидский образует аналогичные по грамматическому значению конструкции из согласованных личных форм значащего глагола и вспомогательного *dāstān*. Ср. тадж. *xonda istodaam* «(я) читаю» (в настоящий момент) и перс. *dārām mixānām*; тадж. *xonda istoda budam* «(я) читал» (в определенный момент прошлого) и перс. *dāstām mixāndām*. Специально для таджикского должно быть отмечено развитие аналитических образований с вспомогательным глаголом *giriſtan* (*xondan gired* «начинайте читать»), новых причастных образований на *-agi* [*xondagi* «читавший; прочитанный», *me-xondagi* «читающий (обычно); читанный (обычно); подлежащий чтению», *xonda istodagi* «читающий; читавший; читаемый; читавшийся» в определенный момент прошлого или настоящего] и причастных оборотов (*liboshoyi maktab dodagi* «одежда, выданная школой»), сложнодепричастных глаголов [*xonda dod* «прочел (для кого-либо)», *davida omad* «прибежал», *davida raft* «убежал»], употребление послелогов, имеющих самостоятельное (неграмматическое) значение (*qati/kati* «вместе, совместно», *barin* «подобно» и др.) и т. д.

Однако, даже имея более или менее приближенное представление об исходном (для новоперсидского) и нынешнем этапах этих процессов, мы в силу указанных выше обстоятельств не можем рассмотреть эти процессы в деталях, в конкретном их развертывании, не можем установить по памятникам письменности время и место возникновения и закрепления в языке тех или иных грамматических инноваций, фонетических переходов, диалектных особенностей и т. п.²¹ Лишь изредка в этой стене традиционной,

²¹ Общее направление и отдельные этапы этих процессов в некоторых случаях могут быть прослежены путем привлечения данных живых диалектов, отражающих — в силу неравномерности темпов языкового развития — различные этапы преобразования исходной системы. Так, например, последовательные этапы перехода от восьми-фонемной (*a — ā, i — ī, u — ū, ē, ǝ*) к шестифонемной (*a, o, i, u, e, ǝ*) системе вокализма в истории таджикского языка могут быть прослежены по вокализму таджикских говоров. Из последних работ по этому вопросу см.: В. С. Расторгуева, Диалектные данные при изучении процессов развития языка, в кн.: «Лингвогеография, диалектология и история языка», Кишинев, 1973.

консервативной письменности образуются небольшие «проломы», сквозь которые удается наблюдать реальные процессы языковой жизни. Так, например, анализируя язык происходящего из Ферганы сочинения XVI в. «Маджмӯ ат-таварих», А. Т. Тагирджанов выделил в нем ряд особенностей, не свойственных языку персидско-таджикской литературы того времени, но характерных для современного таджикского. Среди них: употребление аналитических глагольных форм «настоящего продолженного» [*tarāšida īstāda ast* «вытесывает, строгаёт» (в данный момент)] и «прошедшего продолженного» (*jang karda īstāda būd* «сражался») времен; употребление сложнодеепричастных глаголов (типа *girifta mândand* «задержали», *burida raft* «отсёк»), окончания *-ētān* во 2-м лице мн. числа повелительного наклонения (*dafn kunētān* «похороните»), личного местоимения *vaš* (3-е лицо ед. числа), некоторых характерных лексем (*havli* «двор», *kalān* «большой») ²². Насколько мне известно, указанное сочинение — это самый ранний из памятников письменности, в котором специфические грамматические и лексико-грамматические черты таджикского языка, отличающие его от персидского, фиксируются последовательно (эпизодически и разрозненно такие черты встречаются и в языке памятников ранненовоперсидской и даже среднеперсидской литературы). При этом отражение в тексте сочинения XVI в. указанных языковых инноваций отнюдь не означает, разумеется, что эти инновации только начали развиваться в период создания или переписки данного текста. Напротив, появление таких инноваций скорее указывает на то, что в период создания или переписки текста они уже закрепились в языке и были широко распространены в живой речи ²³. Точно так же вторжение лексических элементов народно-разговорной речи в язык некоторых сочинений начала XVI в., отражающих идеологию городских слоев того времени ²⁴, может свидетельствовать о широком распространении этих лексических элементов среди горожан-таджиков Мавераннахра и Хорасана. Такие специфические таджикские черты «прорываются» и в некоторых других «среднеазиатско-персидских» («бухарско-персидских») текстах позднего средневековья ²⁵, и только по этим «прорывам» исследователь может судить о процессах развития морфологических, синтаксических и лексических особенностей таджикского языка, которые отличают его от персидского.

Наиболее наглядно проявляются такие скрытые до поры до времени языковые изменения при переходе на новую для данного языка систему письма, что связано обычно с причинами историко-культурного или общественно-политического характера. С этими же причинами (в прошлом чаще

²² Примеры см. в кн.: «Собрание историй». Маджмӯ ат-таварих, подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов, [Л.], 1960, стр. 13—21.

²³ Как предполагает А. Т. Тагирджанов, «разговорный язык использован авторами сознательно, очевидно в целях распространения сочинения среди возможно большего числа людей или, по крайней мере, среди муридов из простого народа» (указ. соч., стр. 12, см. также стр. 54).

²⁴ См.: А. Н. Б о л д ы р е в, Зайнабдин Васифи, Сталинабад, 1957, стр. 277—278, 301—304.

²⁵ Едва ли не первым исследователем, обратившим внимание на грамматические и лексические особенности «персидско-бухарского языка» (*le persan de Bukharie*), был О. И. Сенковский (см.: J. S e n k o w s k i, Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols..., St.-Pb., 1824, стр. 115—116, 131—132). Наиболее полная для XIX в. сводка «диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка» принадлежит известному историку Востока В. В. Григорьеву («О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари», изд. в тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым..., Казань, 1861, стр. 111—125). Сводка Григорьева была дополнена впоследствии Ф. Тойфелем, одним из первых, если не первым, автором, применившим термин «таджикский» по отношению к языку (F. T e u f e l, Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chānate, ZDMG, 38, 1884, стр. 241 и сл.).

всего с различной конфессиональной принадлежностью тех или иных слов населения) связано сосуществование различных систем письма, единовременно употребляемых для фиксации одного и того же языка. Сопоставление одноязычных текстов, дошедших до нас в различных системах письма, нередко вскрывает парадоксальное, на первый взгляд, явление: памятник, хронологически более поздний, может отражать ступень языкового развития, значительно более раннюю, чем памятники, предшествующие ему во времени, и, наоборот, памятник, хронологически более ранний, может отражать ступень языкового развития, значительно более позднюю, чем памятники, следующие за ним во времени. Среднеперсидские манихейские тексты (древнейшие сочинения относятся к III в. н. э., списки преимущественно VIII—IX вв.), которые создавались и переписывались в иноверной, оторвавшейся от зороастрийской культурной и письменной традиции среде, фиксируют более поздний этап развития персидской фонетики и морфологии, чем памятники «книжно-пехлевийской» литературы, написанные позднее (основные сочинения датируются VI—IX вв. н. э., древнейшая рукопись — 1323 г.), но скованные окаменевшей орфографической традицией.

Точно так же неожиданные во многом результаты дало в свое время обращение к «иудейско-персидским» (точнее «иудейско-таджикским») текстам, происходящим из среды таджикоязычного, иудейского по вероисповеданию населения Средней Азии. Исследование этих текстов, писанных на таджикском языке вокализованным (пунктированным) еврейским письмом и не скованных орфографической традицией, позволило установить ряд важных особенностей таджикской фонетики, скрытых от исследователей арабографичных персидско-таджикских текстов за оболочкой арабо-персидской письменности. В этих текстах отражено, например, весьма существенное для таджикского, но отсутствующее в современном персидском противоположение между историческими долгими $\bar{i}$, $\bar{u}$ и «маджхульными» $\bar{e}$, $\bar{y}$: *radid* «видимый», но *zēr* «внизу», *būd* «был», но *rūz* «день» (в арабской графике $\bar{i}$ и $\bar{e}$, $\bar{u}$ и $\bar{y}$ обозначаются соответственно одним знаком). В этих текстах можно наблюдать и ряд других фонетических и грамматических явлений, характерных для живого таджикского языка, например, оглушение конечного $-d$ в формах 3-го лица ед. числа (*na-tavānat* «не сможет») и 2-го лица мн. числа (*guzāret* «позвольте») (в арабографичном написании *ntv'nd*, *gz'ryd*), употребление личных местоимений *māyān* (1-е лицо мн. числа), *šumāyān*, *šumāhān* (2-е лицо мн. числа) (н.-перс. *mā*, *šumā*) и т. п.²⁶

В последние годы внимание исследователей все больше привлекает древнеиранская, преимущественно древнеперсидская лексика, дошедшая до нас в иноязычной — вавилонской, эламской, арамейской, древнегреческой — передаче («Nebenüberlieferung»). По преимуществу это имена собственные, титулы, топонимия, лексика административно-хозяйственного и военного характера, заметно обогащающая однообразный и сравнительно бедный словарь древнеперсидских надписей. Весьма важное значение имело, в частности, открытие и публикация эламских табличек из

²⁶ См.: C. S a l e m a n n, *Judaeo-Persica... I. Chudāidāt. Ein jüdisch-buchârisches Gedicht*, St.-Pb., 1897 («Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg», VII-e Série, XLII, 14). Как показывает анализ иудейско-персидских текстов, происходящих из различных пунктов Ирана, Афганистана, Средней Азии и сопредельных областей и отражающих развитие различных персидских (и таджикских) диалектов на протяжении более чем тысячелетнего периода (древнейший известный текст относится ко времени не позднее VIII в.), изучение их имеет весьма важное значение для персидско-таджикской исторической диалектологии. Из последних работ см.: G. L a z a r d, *La dialectologie du judéo-persan*, «Studies in bibliography and booklore», VIII, 2—4, Cincinnati (Ohio), 1968 (с литературой вопроса).

древнего Персеполя (509—458 гг. до н. э), относящихся к ахеменидскому времени и содержащих значительный иранский лексический материал, в том числе примерно 1700 древнеиранских имен собственных. Хотя эти таблички охватывают период всего в полстолетия, зафиксированные ими иранские имена собственные позволили автору монографического исследования по ономастике древнего Персеполя выделить в этих именах по фонетическим признакам три диахронических пласта — до-древнеперсидский, древнеперсидский, а также пласт с признаками post-древнеперсидскими²⁷. Действительно, в некоторых словах, именах собственных, топонимах персепольских табличек наблюдаются фонетические сдвиги (падение конечного *-a*, переходы $-\theta^r > -hr-$, $-rn- > -rr-$, стяжение $-iyā > -ā$ и т. п.), характеризующие последующий (среднеперсидский) этап развития персидского языка. Ср., например, *ha-na-ma-ak* = др.-перс. *anāmaka* — десятый месяц древнеперсидского календаря (букв.: «безымянный»), *šu-ur-ma-ir* = др.-перс. *šūravāhara* — второй месяц древнеперсидского календаря, *Har-ri-pir-tan* = др.-перс. **Āryabrđāna* (и. с.), *Mi-iš-ba-ik* = др.-перс. **Īspaka* (и. с.); ср. также параллельные написания имен собственных *Ša-ti-par-tan-^{na}* и *Si-ya-ti-par-da-tan-na*, *Zi-ut-ra-me-sa-na* и *Zi-ra-me-sa-na*, отражающие переходы $-iyā > -ā$ (др.-перс. *šiyāti* — «благоденствие» > ср.-перс. *šāt*) и $-\theta^r > -(h)r$ (др.-перс. *čīθ^ra* > ср.-перс. *čīhr*), или параллельные написания топонима *Par-na-ma-ti-iš* (**Farna-hvatī*) и *Par-rak-ma-ti-iš* (**Farraxvatī*), второе из которых отражает уже произношение, характерное для среднеперсидского (*farr*²⁸).

Различия в графической передаче этимологически тождественных иранских слов и имен собственных или же исторически одних и тех же звуков (групп звуков), наблюдаемые в древнеперсидских надписях и в иноязычных текстах, дают исследователям основание думать, что эти графические различия отражают различия диалектные (например, мидийско-персидские)²⁹ или же диахронические. В известной мере такие предположения, вероятно, справедливы, и вполне возможно, что эламские писцы слышали и передавали древнеперсидские слова уже не в той фонетической форме, в которой они зафиксированы древнеперсидскими надписями. При учете всех этих факторов следует, однако, иметь в виду, что эти различия, представляющиеся нам два с половиной тысячелетия спустя как различия диахронического (или диалектного) характера, могут в действительности в значительной степени объясняться синхронно сосуществовавшими в одной и той же языковой среде дублетными формами, произносительными вариантами, колебаниями в произношении, находившими то или иное отражение в письме — и не только в эламском или, скажем, вавилонском, но и в собственно древнеперсидском²⁹.

²⁷ См.: M. Mayrhofer, *Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen*, Wien, 1973, стр. 312 и сл.

²⁸ Трактовка этого вопроса, имеющего первостепенное значение для иранского сравнительно-исторического языкознания, вызвала в последние годы оживленную полемику, см.: I. Gershevitch, *Dialect variation in early Persian*, «Transactions of the Philological society» (1964), London, 1965; M. Mayrhofer, *Die Rekonstruktion des Medischen*, Wien, 1968 (Sonderabdruck aus dem «Anzeiger der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Jg. 1968). Ср. также: В. И. Абаев, О перекрестных изоглоссах, «Этимология 1966», М., 1968, стр. 250—255 («мидийские» элементы в персидском).

²⁹ Эти различия могут быть также следствием неустоявшейся орфографической традиции, трудностей, возникавших перед писцами при попытках зафиксировать живой древнеперсидский язык средствами древнеперсидской — или какой-либо иной — клинописи. Следует учитывать, что Бехистунская и другие надписи Дария I были одной из первых (по мнению ряда ученых, первой) попыток применения только что созданной древнеперсидской клинописи, и трудно ожидать, чтобы к тому времени уже сложилась устойчивая писцовая традиция, обеспечивающая единообразное написание всех возможных произносительных вариантов слова.

С учетом всех этих обстоятельств анализ разнонаписаний дает обильный материал для истории персидского языка и ее периодизации. Если даже эти разнонаписания отражают в известной своей части не диалектные и не диахронические различия, а синхронно сосуществовавшие в одной и той же языковой среде дублетные формы и производительные варианты, то и тогда сопоставление этих форм и вариантов позволяет судить о тенденциях, о возможных направлениях развития языковой системы, более того — об уже зарождающихся в ней элементах нового качества. Ибо сами сосуществующие варианты — фонетические, морфологические, синтаксические, словообразовательные³⁰ — соотносятся друг с другом не только синхронически, но и диахронически, «как архетипы с неотипами», и «любому переходу от архетипа к неотипу предшествует период сосуществования архетипа с неотипом (или с конкурирующими неотипами)»³¹.

Сталкиваясь с наличием разнонаписаний в древних текстах — текстах обычно немногочисленных и ограниченных по объему, исследователь, как мне представляется, всегда будет стоять перед мучительным вопросом: отражают эти разнонаписания отсутствие устоявшейся орфографической традиции или писцовую ошибку, «неграмотное» написание, за которым — вопреки «грамотному» (историческому) написанию — скрывается реальное произношение; наличие синхронно сосуществующих в одной и той же языковой среде фонетических и грамматических вариантов или уже закрепившиеся сдвиги диахронического или диалектного характера³²? И чем меньше текстов в распоряжении исследователя, тем, разумеется, труднее с уверенностью ответить на этот вопрос. В древнеперсидском устойчиво сохраняется, как известно, группа *-rt-*, однако уже на одной из ваз с именем Артаксеркса читается *a-r-d-x-š-θ** (*ardaxšāθ*a*-) против обычного *a-r-t-x-š-θ** (*artaxšāθ*a*-). Дает ли это основание считать, что уже в древнеперсидском наметилась тенденция к переходу *-rt-* > *-rd-*, отчетливо проявившаяся в значительно более поздний период истории персидского языка? Ведь еще тысячелетие спустя в пехлевийских текстах устойчиво сохраняется группа *-rt-* (*mart* «мужчина» < *martiya*-).

По-видимому, на протяжении всей истории ираноязычных текстов можно наблюдать две противоречивые тенденции — с одной стороны, архизирующую тенденцию, выражающуюся в исторической орфографии и консервативности литературной нормы, с другой — тенденцию, обусловленную действием живого языка, под влиянием которого переписчики — вольно или невольно — приспособляли орфографию, лексические и грамматические особенности переписываемого текста к произношению, грамматическим нормам и вкусам своего времени и, разумеется, соответствующей социальной среды. Изучая язык разнохарактерных текстов, от-

³⁰ Сосуществование некоторого числа варьирующих единиц является признаком любой живой языковой системы и необходимым условием ее развития. См.: Л. В. Щерб, а, Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974, стр. 30—31, 36, 49—50.

³¹ И. И. Цукерман, Склонение имен существительных в хорасанском курманджи, в кн.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН», [М.], 1973, стр. 142. См.: е г о ж е, Вариантность как диахронический лимит языковой системы, «Палестинский сборник», 19 (82), Л., 1969, стр. 56 и сл.

³² «Ошибочные» или «неграмотные» написания, произвольные нарушения грамматических конструкций и тому подобные явления дают историку языка важнейший материал для суждения о процессах языкового развития. Применительно к исследованию живой речи Л. В. Щерба называл такие явления «отрицательным языковым материалом» и указывал на то, что роль этого материала «громадна и совершенно еще не оценена в языкознании» (Л. В. Щерб, указ. соч., стр. 33). Разумеется, при изучении языка текстов получить «отрицательный материал» значительно труднее, ибо пишущий обычно сознательно избегает всяких ляпусов и «вольностей», отклонений от нормы, естественных для живой речи.

носящихся к самым различным эпохам, исследователь истории иранских языков не может отрешиться от всех этих обстоятельств, и в этом заключается одна из основных причин зависимости иранского исторического языкознания от уровня филологической интерпретации текстов.

Все сказанное дает лишь весьма относительное и неполное представление о трудностях и проблемах, возникающих при исследовании истории иранских языков, при попытках наметить принципы и вехи лингвистической периодизации их истории. Трудности заключаются и в самом характере материала, о чем говорилось выше, и в теоретической неразработанности проблем, связанных с периодизацией истории языка³³. И тем не менее развитие работ по изучению языка памятников древне-, средне- и новоиранской письменности в сочетании с интенсивными исследованиями в области современных иранских языков и диалектов позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Из изложенного ясно, что ни один из этапов традиционной схемы истории персидского языка (древне-, средне- и новоперсидский) уже не может рассматриваться как нечто абсолютно единое, никак не дифференцированное в пространстве и времени. Особенно наглядны успехи, достигнутые при изучении языка новоперсидских текстов, и это позволяет уже сегодня поставить вопрос об истории новоперсидского языка, о формировании на его основе современного персидского и современного таджикского литературных языков; возможно, также и вопрос о формировании третьей литературной разновидности этого языка на основе диалекта кабули (Афганистан). Таким образом, внутри общей линии развития выделяются составные части, которые рассматриваются уже не в статике, а в динамике, как «микроистории» определенных этапов, вписывающиеся в «макроисторию» персидского и таджикского языков.

Осуществление большого сводного труда по истории иранских языков, подготавливаемого в настоящее время коллективом советских иранистов, отразит, надо надеяться, в полной мере современное состояние иранского исторического языкознания и откроет новые перспективы развития в этой области, в том числе и в решении вопросов периодизации.

³³ См.: «Лингвогеография, диалектология и история языка», Кишинев, 1973, стр. 4 и сл.